

I

**АЛОЕ СЕРДЦЕ
ЗЕМЛИ**

Аэропорт в Лубумбаши, Конго-Киншаса. Посадка в самолет больше напоминала базарные разборки. Самолет был покрашен наспех. Воздух провонял топливом. У подножия трапа клубилась чернокожая толпа с вкраплением белых недоумков. Крики. Отчаянная жестикуляция. Бубу¹. Картонки. Следовало ли считать эту борьбу всех со всеми просто местной традицией? Или же поразительным примером социального регресса?

Уже давно Грегуар Морван даже не задумывался над этим. Он знал, что в конце посадочной полосы торгуют кусками человеческого мяса — для вкусной семейной трапезы. Что перед взлетом кабину пилота обязательно посетит местный колдун со своими фетишами. Что большинство запчастей перепродано на черном рынке и приспособлено к латаным-перелатаным моторам. Что до пассажиров...

Морван этим рейсом не полетит. Он пришел последний раз все перепроверить ввиду собственного завтрашнего отъезда — на борту зафрахтованного по такому случаю «антонова», полностью оплаченного из его кармана. Он дал на лапу таможенникам, чиновникам из службы иммиграции, военным, не забыв и о «службах»: бесчисленных паразитах, кишасящих в аэропорту и питающихся исключительно бакшишем. Он представил все необходимые документы: план полета, регистрационные данные, страховые договоры, аттестаты, разрешения... Все было липой. И это никого не смущало: в Конго не существовало оригиналов, только копии.

Двумя днями раньше он вместе со своим сыном Эрваном приземлился в Лубумбаши после короткого перелета из Киншасы.

¹ *Бубу* — мужская длинная широкая туникообразная рубаха у народов Западной Африки. (Здесь и далее примеч. перев.)

Девять часов в воздухе, чтобы оказаться в столице Демократической Республики Конго, потом еще четыре, чтобы добраться до Катанги, самой богатой провинции ДРК, вечно готовой взорваться новым военным конфликтом. Ничего нового.

Летели они вместе, но с разными намерениями. Эрван собирался разворошить пепел прошлого. Возобновить, не упуская ни малейшей детали, расследование, которое Морван лично провел сорок лет назад, когда охотился за серийным убийцей, нападавшим на белых девушек в Лонтано, шахтерском городе в Северной Катанге. По мнению сына, Грегуар допустил ошибку: седьмая жертва, приписываемая Человеку-гвоздю, Катрин Фонтана, была убита кем-то другим. *Да что ты об этом можешь знать, мать твою?*

Грегуар сделал все, чтобы помешать сыну пуститься в этот бессмысленный крестовый поход, но, когда увидел, что тот взял отпуск за свой счет в бригаде Угро и купил билет на самолет, понял, что Эрвана не остановить. Тогда он решил поехать с ним: в конце концов, ему было чем заняться в Катанге...

— Едем, патрон?

Он обернулся. Мишель стоял у края бетонной площадки с огромной связкой ключей в кулаке, как будто весь аэропорт был его личной собственностью. Этого тщедушного чернокожего парня с жирафьей шеей за необъятную курчавую шевелюру прозвали Сноп. Он носил тергалевые штаны и рубашку кричащей расцветки. Мишель был доверенным человеком Морвана, что в Лубумбаши оставалось понятием относительным.

Грегуар последовал за африканцем под безжалостным солнцем. Здесь, под гнетом удушьящего сияния, белизны столь давящей, что она парализовала любую мысль и надежду, притуплялись все чувства.

Оборудование находилось в ангаре, запертом на все замки, под охраной солдат. Сноп отпер дверь и откатил ее по рельсу.

— Прощу!

Лучи солнца высветили два самосвала «рено» и три внедорожника «тойота», из которых были вытащены пассажирские кресла, — все это было куплено в прошлом месяце у других горнопромышленных групп. Морван заставил принять бюджет на голосовании генеральной ассамблеи «Колтано», горнодобывающей компании, которую сам и основал в 1990-х годах

под предлогом необходимости привести в порядок предприятия вокруг Колвези. На самом деле он задумал втихую эксплуатировать новые рудные залежи, открытые его специалистами-геологами. Прямо-таки подарок судьбы.

Он подошел ближе и проверил: колеса, рули и моторы — все было на месте.

— Горючее?

— Вон там.

Проверить количество бочек он не стал: было кое-что поважнее.

— Остальное?

Мишель напустил на себя заговорщицкий вид и указал на ряд армейских ящиков, выстроившихся в тени. Он скрупулезно выбрал ключ на связке и открыл один из них. Морван увидел штук сорок штурмовых винтовок, магазины и ручное оружие. Чернокожие из джунглей такими машинками пользоваться не умеют, но Кросс их научит.

— Где ты это нашел?

— В MONUSCO.

Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго. Тысячи «голубых касок», которые возились в этом бардаке уже лет пятнадцать. Отборные войска ради бросового результата. В общей неразберихе оружие и боеприпасы время от времени исчезали, чтобы обнаружиться в такого рода ящиках в глубине подобных ангаров...

Грегуар взял «ФАМАС»¹ и резко передернул затвор. Это простое движение всколыхнуло волну горьких воспоминаний. Годы битв, побед, жестокости в самой глубине Африки — дорогой сердцу и ненавидимой.

Он выбрал девятимиллиметровый «глок», засунул его за ремень и напихал магазины в карманы брюк — подарок Эрвану. Он хотел не дать ему продвинуться, а не оставить его беззащитным. *Только не это.*

— Есть еще запас М43-х калибра 7,62.

Патроны, используемые в «калашникове». Не стоит изменять традициям и пренебрегать старым добрым «калашом» современного африканца.

¹ «ФАМАС» (фр. FAMAS) — французская штурмовая винтовка.

- Отлично. Скольких ребят берем?
- Восьмерых.
- Ты уверен в них?
- Как в самом себе.
- Ты начинаешь меня беспокоить.

Мишель хохотнул, но Грегуар не шутил. Если секунду назад он видел себя двадцатипятилетним бойцом, покорителем нового мира, то теперь ощутил близость кладбища. Во всяком случае, его заранее утомляла сама мысль продираться сквозь джунгли во главе банды никчемных головорезов на поиски заправятных месторождений.

— Патрон, я набрал парней из бывших солдат конголезской армии и...

Морван уже не слушал. Если все прошло, как было задумано — что в Африке просто невозможно, — шахты в тысяче километров к северу уже выкопаны, а к взлетной полосе километрах в двадцати от месторождений ведет расчищенная дорога. Тогда самосвалы смогут доставить первые тонны колтана прямо к самолету, что и даст толчок молниеносной эксплуатации. Несколько месяцев он будет подпольно торговать с Руандой, а потом, набив карманы, предупредит наконец своих партнеров: катангские власти, конголезских акционеров, европейских участников... И только тогда поделит оставшийся кусок жирного пирога.

Но это в теории. Последние новости — короткие успокоительные мейлы, заверявшие, что все идет хорошо, — не внушали оптимизма.

— Хорошая работа, Мишель.

Он оглядел оборудование, и настроение снова переменялось. Сказал себе, что, даже несмотря на свои шестьдесят семь лет, он еще может поиграть в африканского Фицкарральдо¹. В конечном счете хилые попытки сына выступить в роли вершителя правосудия как раз подтолкнули его. Есть надежда, что удастся убить одним выстрелом двух зайцев... И заработать, и удержать мальчишку на привязи.

¹ «*Фицкарральдо*» — фильм немецкого режиссера Вернера Херцога (1982). Сюжет — невероятное путешествие по дебрям Амазонки, которое предпринял главный герой, чтобы построить оперный театр. Фильм основан на реальных событиях.

- Устрой так, чтобы мы могли вылететь завтра до полудня.
- Без проблем, патрон.

Морван снова вышел под палящее солнце. На нем была простая голубая льняная рубашка, свободно спадающая на бежевые полотняные брюки, — уступка климату, ведь он при всех обстоятельствах не вылезал из черных, безупречно отутюженных костюмов.

Вдали лопасти самолетных винтов пришли в движение, хотя на отъезжающем трапе еще висели гроздьи людей. Всеобщая свалка. Он почесал свою курчавую шевелюру белого негра и взмахом отогнал заметивших его мальчишек-попрошак.

Эта поездка станет его последней ложью.

2

Эрван уже устроился на террасе отеля, когда отец присоединился к нему, чтобы поужинать вместе. Было без чего-то семь, но темнота уже обрушилась, как камень.

— Вылетаем завтра утром! — объявил Старик победным тоном.

— Мы уже сто раз об этом говорили, — ответил Эрван, не поднимая глаз от меню. — Я с тобой не еду.

Морван тяжело опустился в пластиковое кресло. Как подметил Эрван, Падре вполне соответствовал конголезским стандартам: сто кило веса на метр девяносто роста.

- Нам ведь по пути: воспользуйся моим самолетом.
- Нет. Мне важнее моя независимость.

Грегуар расхохотался:

— Ты же не собираешься обвинять меня в чиновничьей коррупции, надеюсь!

Эрван оглядел своего собеседника, чей квадратный силуэт выделялся на фоне подсвеченного бассейна. Над водой витало облачко мошкеры, создавая у поверхности нечто вроде вибрирующего ореола.

— Просто не хочу, чтобы ты у меня под ногами путался, — парировал он. — Нужную информацию я должен собрать сам. Оставаясь независимым. Объективным.

- Ты говоришь как журналист.

— Эксгумировать дело сорокалетней давности — это скорее работа для историка.

Эрван отправился в Катангу, не зная, что его там ожидает. Иногда он подозревал отца в том, что тот покрывает настоящего убийцу Катрин Фонтана. В иные моменты думал, что Старик действовал вполне искренне — просто поверил, как и все остальные, в виновность Тьерри Фарабо. На самом деле он с трудом мог представить себе, во что обернется это расследование — без команды и технической поддержки, без улик и свидетелей.

Подошел официант. В полутьме (терраса освещалась подсветкой бассейна и ультрафиолетовыми противомоскитными лампами) видна была только его белая рубашка, галстук-бабочка и V-образный вырез жилета. Особая манера покачиваться придавала ему вид безголовой сомнамбулы.

— Две рыбы-капитана, две! — безапелляционно возгласил Морван.

— А еще?

— Ничего стóящего у вас больше нет. Зато лучшая речная рыба. А с рисом заправишься до послезавтра. Лишний день не посрешь!

Тот же номер он проделал вчера и позавчера. Такими темпами Эрван заработает запор до конца месяца.

— Я хочу докопаться до правды, — высокопарно заявил он. — Законное желание, верно?

— Разумеется. Но каков на самом деле предмет твоего расследования? Преступление, которому больше сорока лет? Исчезнувшая девушка, о которой ты ничего не знаешь? В городе, который больше не существует? И как ты можешь быть уверен, что ее убил не Человек-гвоздь?

— В момент убийства он был в восьмидесяти километрах от Лонтано.

— Откуда ты можешь знать? — продолжал настаивать Морван, упершись локтями в стол. — Ты думаешь, что в Африке можно доверять датам? Или расстояниям? Или свидетельским показаниям? А по мне, ты много на себя берешь, если хочешь заново перепроверить мой отчет, да еще о событиях, которые произошли до твоего рождения.

Эрван твердо решил не нагнетать: энный раунд столкновения отца и сына все равно ничего бы не дал. Лучше проявить миролюбие.

— Именно, — уступил он. — У тебя все было перед носом. Тебя закрутило. Может, сегодня, на расстоянии...

Морван открыл было рот, чтобы заорать, но сдержался. Откинулся на стуле с улыбкой на губах:

— Ты коп. И не хуже меня знаешь, что факты не всегда совпадают с логикой и хронологией. Несмотря на эти нестыковки, разве не кажется наиболее вероятным, что малышка стала жертвой того же убийцы, который убил уже шесть раз таким же образом?

Эрван взял горсть орешков: как и каждый вечер, рыбу-капитана приходилось ждать так долго, что казалось, будто ей пришлось рулить против течения от самого устья, прежде чем причалить в их тарелках.

— В таком случае я обнаружу соответствующие улики, и моя проверка займет всего несколько дней.

— Но откуда ты их возьмешь, эти улики?

— В полных архивах процесса Фарабо.

— Их не существует.

— Отнюдь. Я их нашел.

Отец закаменел:

— Где?

— В двух шагах отсюда. В колледже Сен-Франсуа-де-Саль.

— Ты их видел?

— Пойду туда завтра. Меня заверили, что они хранятся именно там.

— Тебя просто накололи.

Эрван развел руками в знак покорности судьбе. Его флегматичность выводила отца из себя, он чувствовал это и только поддавал жару.

— Посмотрим, — ответил он ровным голосом.

Морван ударил по столу. Приборы подскочили, их звяканье было смягчено бумажной скатертью.

— Мы в Конго, твою мать! Следы исчезают за два часа, отчеты за два дня, архивы месяцем позже. Только три вещи здесь неизменны во все времена: дождь, грязь и джунгли. Про остальное можешь забыть.

Эрван не мог не согласиться. Накануне он перерыл весь город в поисках старых газет. Ничего. Он попробовал найти юридические службы, административные структуры. Дважды по полям. Сегодня он побывал в мэрии, в архиепископстве Лубумбаши, в кабинетах горнопромышленных компаний. Без толку. Остался только Сен-Франсуа-де-Саль.

— Предполагаю, ты не собираешься разыскивать свидетелей из тех времен? — не отступал отец.

— Я попробую.

— Тебе известно, какая в Африке продолжительность жизни?

Эрван не ответил. В итоге, устав от битвы, гигант с курчавыми волосами поднял свой стакан — коктейль из экзотических фруктов: он никогда не прикасался к алкоголю.

— В любом случае желаю тебе удачи!

Они чокнулись, словно закапывая топор войны.

— Шутки в сторону, — продолжил Старик вполне благожелательно, — как ты собираешься добраться до Лонтано?

— Есть регулярный рейс в Анкоро, к западу от озера Танганьика.

— Он не летает уже несколько месяцев. Даже взлетной полосы больше нет.

— А парни в аэропорту говорили совсем другое.

— За бакшиш тебе пообещают, что ты доедешь туда на спине гиппопотама!

Эрван пожал плечами. Еще одна пригоршня орешков.

— Предположим, ты туда доберешься, — великодушно допустил Морван. — Лонтано еще в ста километрах к северу.

— Сяду на баржу на реке. Я выяснил: так идет снабжение деревень. Даже китайские торговцы используют такой транспорт.

— Ты, вообще-то, осознаешь, что окажешься в Северной Катанге?

— Ну и что?

— А то, мой птенчик, что в этом регионе идет война.

Он ждал этого с момента приезда: подробную лекцию о конфликте в Конго. *А почему бы и нет?* Еще до отъезда он прочитал все, что смог раздобыть на эту тему, но понял не многое.

— Позволь объяснить тебе сложившуюся ситуацию, — продолжил Морван профессорским тоном.

Он уже пытался просветить сына два месяца назад, когда они приезжали на похороны Филиппа Сезе Нсеко, «горячо оплакиваемого» директора «Колтано». Эрван тогда едва его слушал: ему и в голову не могло прийти, что придется еще раз сюда возвращаться.

— У конголезского бардака нет ни начала, ни конца, но начать с чего-то надо, так что обратимся к геноциду в Руанде в 1994 году. Миллион представителей народности тутси был убит представителями другой народности, хуту, всего за несколько дней. Приступ паршивого африканского безумия.

Но это было только начало бойни. Когда тутси снова пришли к власти в Кигали, хуту в массовом порядке бежали к Великим озерам, на восток Конго. В течение нескольких дней миллионы беженцев оказались в районе озера Киву. Население городов удвоилось, утроилось, учетверилось за одну ночь. На скорую руку построили лагеря.

Непонятно было, куда девать этих хуту, к тому же следовало опасаться, что вслед за ними явятся тутси, горящие жаждой мести.

Поль Кагаме, новый президент-тутси Руанды, не замедлил послать в погоню войска и даже воспользовался случаем, чтобы сместить старого Мобуту. После геноцида его народности он вполне мог снести голову маршалу, и Запад ему бы еще и аплодировал. Однако ради придания законности своему вторжению он организовал конголезское восстание — насквозь дутое, — объединив нескольких бывших мятежников в подобие коалиции.

Среди них был и Лоран-Дезире Кабила, старый махинатор шестидесятых годов, давным-давно ушедший на покой.

— Так началась первая конголезская война, — встрял Эрван.

Грегуар вздохнул. Он полагал себя единственным, кто вправе рассуждать об африканских делах, и, кстати, именно по данной причине воздерживался от этого занятия. С его точки зрения, тут не существовало ни проблемы, ни решения. Один только запутанный клубок противоречий, с которыми следовало разбираться по мере поступления.

— Первая война продлилась всего несколько месяцев. Это было в 1997 году. Утвердившись во власти, Кабила выразил благодарность на свой манер: он повернулся против Кагаме и выгнал из страны тутси, этих «гнусных захватчиков».

По-прежнему никакой рыбы на тарелках. Накануне они прождали больше часа. Когда их заказ прибыл, рыба-капитан была холодная, а у них пропал аппетит.

Эрван прислушивался не только к голосу отца, но и к звукам джунглей вокруг. Эта кишачая в темноте жизнь действовала почти успокаивающе. Время от времени лягушки-быки заводили свое соло.

Он решил еще раз проявить осведомленность:

— Про все это я читал. В отместку Кагаме перевооружил свои войска и снова захватил район Великих озер. Вторая конголезская война.

— Именно, — сдержанно одобрил Морван. — Но расклад переменялся: у Кабилы хватило времени, чтобы сформировать собственные войска, пресловутых кадогас, детей-солдат. Он также вооружил хуту — тех самых, убийство которых спровоцировал на востоке страны. Не считая его новых союзников, Анголы и Зимбабве. Со своей стороны, Кагаме вступил в союз с Угандой и Бурунди.

В центре Африки разразилась своеобразная континентальная война и повлекла за собой цепную реакцию: в бой вступили разные милиции. Мау-мау¹, баньямуленге², другие повстанцы... Даже внутри регулярной конголезской армии проявилось соперничество между ветеранами заирских вооруженных сил и кадогас, детьми-солдатами... список можно продолжать до бесконечности.

— Судя по тому, что я читал, сейчас там все успокоилось, верно?

— Скажешь тоже! Была тьма-тьмущая переговоров, соглашений о прекращении огня, союзов и альянсов. Но каждый раз все начиналось по новой. Откровенно говоря, никто не знает, как там что обернется.

— Кроме тебя.

— У меня нет таких амбиций, но могу тебе сказать две вещи, и ничего сенсационного в них нет. Первое: эта война давно бы закончилась, если бы не шла на земле, которая скрывает самые богатые в мире недра. И второе: расплачиваются всегда гражд-

¹ *Мау-мау* — участники восстания в Кении в 1950-х гг.

² *Баньямуленге* — конголезские тутси, населяющие плато озера Киву.

данские. На сегодняшний день конфликт унес пять миллионов жизней. Больше, чем войны в Югославии, Афганистане и Ираке, вместе взятые. И в первую очередь, разумеется, речь идет о женщинах и детях. Эпидемии, истощение, жестокое обращение, отсутствие медицинских услуг их просто истребляют.

Рыба-капитан подросла как раз вовремя. На этот раз, несмотря на ожидание и мрачную тему разговора, оба накинулись на еду. Пауза возникла сама собой. Продолжая жевать — и не чувствуя никакого вкуса, — Эрван размышлял. Отец подтверждал то, о чем он уже читал, но факты, изложенные его звучным голосом, становились более *реальными*. По прошествии нескольких минут он вернулся к разговору:

— Ты мне так и не ответил: на сегодняшний день там спокойней, да или нет?

— «Голубые каски» немного их потрепали, это верно. Руководителей в конце концов задержали, соглашения вот-вот подпишут, но оружие по-прежнему в обращении, шахты работают полным ходом и финансируют каждую «группу самообороны». Центральное правительство не имеет никакой власти в той зоне...

— А по моим источникам, на севере наведен порядок. Война идет в районе Киву и...

— Ты вообще слушаешь, что тебе говорят? Повторяю: никогда не известно, чего там ждать, особенно в районе Танганьики. В любой момент там могут объявиться группировки тутси и вступить в бой с регулярной армией.

— И все же ты туда отправляешься...

— Это мой бизнес.

Эрван знал, что отец собирается тайно эксплуатировать новые месторождения, в обход «Колтано». Следует признать, что в свои неполные семьдесят Падре сохранил железобетонные яйца.

— В любом случае, — заключил тот, — мы с тобой направляемся в одну сторону. Так воспользуйся моим транспортом. Я высажу тебя в Анкоро, а через одну-две недели вернусь за тобой в то же место. Тебе хватит времени для своих заморочек.

На этой стадии невозможно определить, какую именно ловушку скрывает его предложение, но у отца нет причин помогать ему. *Скорее наоборот*. Эрван быстро прикинул в уме.

В конце концов, перелет позволит выиграть драгоценное время, а Грегуару будет чем заняться, кроме как следить за ним.

— Я не буду готов раньше двух часов дня, — возразил он, не желая сдаваться так быстро, — я еще должен зайти в Сен-Франсуа-де-Саль.

— Я тебя подожду, — пообещал Морван, протягивая ему руку.

Эрван принял ее с ощущением, что стягивает веревку у себя на шее.

Э

Эрван шагал по освещенным солнцем пустынным улицам. Белый город с широкими проспектами, размеченными пальмами и зданиями с крышами-террасами. Он знал, что видит сон, но сон этот перевешивал реальность: он образовал замкнутый мир, из которого невозможно было выбраться.

Эрван продвигался с трудом, чувствуя, как ноги его погружаются в почву. Однако асфальт оставался твердым: это его тело размякало, как грязь. В нем не осталось ни костей, ни мускулов. Свет еще больше ускорял распад. Он таял в жаре...

Под портиками он заметил бурые пятна, похожие на силуэты людей. Подошел ближе и увидел почерневшие, маслянистые кожи, прибитые к дверям и распяленные на ширину около метра.

Человеческие шкуры...

Он вспомнил, что этим и славился город: его дубильщики работали только с человеческой кожей.

Раздался крик, потом второй, и еще один. Эрван попытался ускорить шаг, но ноги при каждом касании все глубже уходили в битум. Он не бежал, а увязал... в самом себе.

Вопли становились невыносимыми, раскалывая череп, как скорлупу. Он открыл глаза. Сквозь противомоскитную сетку увидел, как мерцают стены. Голоса доносились снаружи, вполне реальные. Запах горелого пропитал воздух. Он сел и понял: где-то пожар. Запутавшись в тюлевых занавесках, он умудрился выбраться из кровати, весь в поту. Поковылял к переливчатым отсветам, падающим из окна.

Улицы за деревьями видно не было, но издалека доносились крики. Постояльцы и персонал гостиницы сутились в саду. Тени вытягивались, переплетаясь на лужайках. Эрван глянул на часы: четыре утра.

Он натянул брюки, рубашку, схватил ключ от номера и вышел. Нет смысла будить отца: тот, без сомнения, уже на месте. Старик никогда не спал — по крайней мере, так, как спят нормальные люди: чтобы отдохнуть и дать волю мыслям.

Ему показалось, что он нырнул нагишом в кипящий котел. Двор. Улица. От запаха гари свербело в носу и перехватывало дыхание. Небо было алым и хрустким, как гигантская печь. Люди бежали, кричали, толкались. Он догадался, что толпа вокруг не спасалась, а, наоборот, устремлялась к месту катастрофы.

Влившись в общее движение, он ощутил странное возбуждение — нечто подобное охватывало его во время грозы, когда он был маленьким. И все, казалось, испытывали то же двойственное чувство: то ли страх, то ли потрясение, то ли веселье. Дети в полном неистовстве тоже мчались вместе со всеми.

Они свернули на боковую улицу — Эрван отметил про себя, с какой легкостью эти люди покинули свои дома глубокой ночью. Лубумбаши: город со стенами из ветра. У него из головы не шел город из его сна: проспекты, светлые фасады, маслянистая кожа... Ничего общего с этими темными улочками без городского освещения с их волнением и суматохой. Его тошнило.

Они добрались до глинобитной площади, над которой нависал купол дыма. Медные прожилки и алые волокна пронизывали этот потолок, как вулканические трещины. Здесь царила полная паника. Мужчины и женщины металась во все стороны, сталкивались, перекликались, тащили мешки и всякое барахло. Жители покидали квартал, пока огонь не смел все вокруг.

Сейчас горело единственное здание. Трехэтажный куб, из окон которого вылетали оранжевые сполохи и клубы черной сажи. Пожар словно упивался собственной мощью, в иступлении распространяясь в сушильне ночи.

Эрвана охватило дурное предчувствие. Он ухватил за рукав пробегавшую мимо женщину, тащившую под мышкой ребенка, а другой рукой прижимавшую к себе кучу тазов.

— Что это за здание?

Беглянка вскинула на него глаза, в которых плясали блуждающие огоньки. Она не понимала вопроса — вернее, его абсурдности.

— Что это там горит? — повторил он.

— Сен-Франсуа-де-Саль! Колледж!

Он выпустил свою добычу и уставился на дом, который был хранилищем всех его надежд. Оставался только пламенеющий каркас, с которого осыпались стены, как тающий сахар. Он подумал об учениках, но внутри, совершенно очевидно, никого не было.

Оглядевшись вокруг, он осознал, какими ничтожными возможностями располагали местные пожарные — простые парни в шортах и майках, передающие ведра, пакеты с водой и лопаты с землей под взглядами солдат из ооновской миссии MONUSCO, которые стояли, свесив руки, и словно ожидали приказа от невидимого командира.

Эрван окаменел. Конечно, гореть в колледже было особо нечему — не считая архивов, на которые он так рассчитывал. Имена свидетелей, подробное описание обстоятельств, связанных с преступлениями Человека-гвоздя, слушания и речи адвокатов — все обращалось в дым на его глазах.

Его расследование, не успев начаться, закончилось.

В этот момент он поискал глазами отца. Оказалось, ему достаточно было обернуться: Старик устроился прямо позади него; сидел облокотившись о стену. Его покрытое пеплом лицо напоминало погребальную маску. Казалось, его не интересовал ни пожар, ни суэта вокруг: он что-то рисовал веточкой на земле.

Почувствовав, что за ним наблюдают, он поднял глаза и заметил сына. Сделал рукой соболезнующий жест, и Эрван понял, кто поджег колледж Сен-Франсуа-де-Саль.

4

— Теперь ты можешь лететь со мной в полдень.

— Да пошел ты!

Семь часов утра. Эрван уселся напротив отца, точно за тем же столом, что и вчера, — в любой точке мира достаточно двух

дней, чтобы обзавестись привычками. Он так и не смог заснуть, снова и снова пытаясь побороть ярость и чувство бессилия. Отказаться от расследования? И речи быть не может. Просто придется сразу перейти к следующему этапу, но вслепую. Найти последних свидетелей по делу, не имея ни имен, ни информации. Восстановить факты, даты, обстоятельства — и все без единого ориентира.

— Если ты думаешь, что я хоть каким-то боком к этому причастен, ты...

— Я ничего не думаю, я знаю.

Морван налил ему кофе. За стеклами темных очков он казался еще более непроницаемым, чем всегда. На нем была розовая льняная рубашка и безупречные кремовые брюки. Рядом с ним Эрван всегда себя чувствовал одетым как бомж.

— Безапелляционность молодости... — пробормотал Грегуар.

Тон был ироничным: Эрвану перевалило за сорок. Тот в свою очередь нацепил дымчатые очки — лучше сражаться на равных — и выпил кофе, безвкусный и чуть теплый. Зато круассан оказался намного лучше.

— Вот что сделаем, — продолжил Эрван, — мы друг к другу больше никакого касательства не имеем. Езжай на свои рудники, я разберусь сам.

— По-прежнему собираешься отправиться вверх по реке? «Апокалипсис сегодня»¹ в Конго? Лучше обратиться к первоисточнику, роману Конрада, который...

Он уже не слушал, думая о том фантастическом зрелище, которое подарили ему рассветные дожди. Через открытое окно он любовался мириадами искорок с металлическим отливом, заливающих землю, пока в воздухе еще висел запах гари. Конечно, этот выплеск смывает следы пожара, но здесь никто и не подумал убрать под навес качели и столы со стульями: все оставалось на откуп самой обильной росе в мире.

Еще один круассан. Чем больше Старик говорил, тем быстрее к Эрвану возвращался боевой задор. Ненависть к отцу всегда была его самой мощной движущей силой.

¹ «Апокалипсис сегодня» (англ. «Apocalypse Now») — фильм американского режиссера Фрэнсиса Форда Коппола по роману Джозефа Конрада. Действие происходит в джунглях Камбоджи.

— Ты все же позволишь дать тебе пару советов?
— Может, хватит разыгрывать из себя короля Конго?
— Мое царство не простирается дальше Лубумбаши, в этом все и дело: там тебе придется вести себя тише воды ниже травы. На севере мое имя ничем тебе не поможет.

— А я и не думал им пользоваться.

— А о разрешениях ты думал?

Эрван проглотил ругательство. Полностью поглощенный мыслями о расследовании, он совершенно не подготовился к самой поездке.

— О каких разрешениях? — осторожно осведомился он.

— От главы провинции, от Министерства туризма, от MOBUSCO, от служб восстановительных работ, от рудничного комитета... Кандидатов на рэкет много.

— Я еще ничего не сделал, — признал он.

— Начни с самых верхов, чтобы заткнуть пасть остальным. А главное, не говори точно, куда направляешься.

— А когда окажусь на месте?

— Заплатишь, только дороже, и все дела. — Морван положил ладони на стол, словно разворачивая карту Катанги. — Предположим, ты добудешь бумаги и найдешь птичку, чтобы переправить тебя в Анкоро... Потом загрузишься на пресловутую баржу. Так?

— Так.

— Ты эти баржи уже видел?

— Нет.

— Обычно они плавают спаренными. В них несколько сотен метров в длину, и на них грузят все, что можно: целые семьи, скот, провизию, стройматериалы, топливо, солдат, священников, проституток... Весьма любопытное зрелище. Этаким местный колорит.

— И сколько времени добираться до Лонтано?

— Не один день. Правил здесь не существует. Сейчас, учитывая угрозу войны, остановки всякий раз очень короткие. Выгружают людей, припасы, медикаменты от всяких неправительственных организаций, иногда оружие, и тут же отплывают, пока их не засекала какая-нибудь милиция...

— А на обратной дороге, когда баржи возвращаются?

— Они не возвращаются. По крайней мере, оттуда.

— Но ведь есть какие-нибудь суда, которые возвращаются в Анкоро, верно?

— Возможно, но, если ты останешься в Лонгано, твои шансы выжить равны нулю. Тебе придется провести свое расследование за несколько часов стоянки. После чего поднимешься обратно на борт и возблаговаришь Бога за то, что еще цел.

— Ты предложил подбросить меня туда на одну-две недели.

— С моими людьми в качестве сопровождения. Один ты там и дня не продержишься.

— Абсурд какой-то...

— Заметь, я тебя за язык не тянул. Вся эта экспедиция — ради одного-двух часов на месте...

В голове у него мелькнул вопрос явного новичка.

— А река — это уже Конго?

— Верхнее течение — это Луалаба. Ты захватил с собой хинин?

— Я взял лариам.

— И ошибся: мефлохин может дать чудовищные побочные эффекты. Я видел, как парни реально сходили с ума, слепли или валились от сердечных приступов — и все из-за этого дерьма.

Эрван промолчал с видом «мне давно не десять лет».

— Ты уже бывал в тяжелых странах? — продолжал настаивать папаша.

— Я ездил в Индию за Лоиком.

— Ничего общего.

— Еще я был на задании в Гвиане и...

— Это Франция.

— Что ты пытаешься мне сказать?

Морван склонился к нему на манер старого пирата в таверне:

— Что Конго-Киншаса живет в каменном веке. Старайся не пораниться: сохнешь от заражения крови за сорок восемь часов. Никогда не пей неочищенную воду. Мажься репеллентами: главный переносчик заразы в джунглях — насекомые.

— Я привез с собой аптечку.

— Тогда держись за нее, как за свой обратный билет. И уж конечно, не прикасайся к черной женщине.

Морван поднял с пола рюкзак «Eastpak» и положил его себе на колени. Достал оттуда завернутый в тряпку предмет и положил его на стол между кофе и круассаном.

— И не говори, что я о тебе не забочусь.

Эрван приподнял край ткани и обнаружил пистолетную рукоятку из черного полимера с логотипом «Glock», в котором G служило рамкой для остальных букв.

— Обоймы в рюкзаке, — уточнил Грегуар, убирая туда же и оружие. — Надежная штука, прямо со складов военных из MONUSCO.

Эрван постарался не показать, что шокирован.

— Я тебе благодарен, но не думаю, что он мне понадобится.

— Ты вообще мало думаешь, а поэтому слушай меня. — Морван снова запустил руку в рюкзак и на этот раз достал мобильный телефон большего размера, чем обычный, снабженный внушительной антенной. — Это «Иридиум». С ним ты сможешь позвонить мне откуда угодно, даже из самой забытой богом задницы в лесу, для того он и сделан.

— Ты хочешь сказать — если возникнут проблемы?

Он подпустил в голос иронию, вызывающей и бессмысленной.

— Я буду километрах в пятидесяти выше по реке и смогу получить в свое распоряжение самолет в течение двадцати четырех часов. Мой номер уже введен в память.

Эрван поклялся себе ни за что не связываться с отцом. Он осознавал, до какой степени двусмысленно его расследование: он искал убийцу Катрин Фонтана, втайне надеясь, что им окажется его собственный родитель, а именно родитель его сегодня и защищал.

Старик протянул ему рюкзак, предварительно застегнув молнию. Эрван расщедрился на кивок в качестве спасибо.

Еще по чашечке кофе. Перед последним залпом советов — на дорожку.

— Ты должен понять, что бойцы, с которыми тебе предстоит столкнуться, не имеют ничего общего с убийцами, которыми занимается бригада Угро. Большая часть из них — каннибалы с самыми дикими суевериями в голове. Мау-мау думают, что пули, прикасаясь к ним, превращаются в капли воды. Тутси таскают повсюду мешки с мужскими членами. Хуту насилуют женщин на внутренностях мужей, которых они только что убили.

— Я работаю в Уголовной полиции, не забывай.

— Именно об этом я тебе и толкую. Речь не идет ни о мужике, который прибил свою женушку, ни даже о психопате, у которого в активе несколько жертв. Я говорю о чокнутых, имеющих на счету сотни трупов, способных заставить женщину сожрать собственных детей, разделанных и сваренных у нее на глазах. Когда ты столкнешься с этими парнями, у тебя не будет времени разыгрывать из себя опытного сыщика.

Эрван сделал вид, что усвоил урок. На самом деле он в это не верил. Такие страсти были скорее байками джунглей, искаженными, раздутыми от сотни пересказов.

В любом случае он постарается избежать встреч с этими богами войны. Он здесь не для того, чтобы спасать мир, — он просто должен найти свидетелей, освежить их память и выяснить, что в действительности произошло в 1971 году в Лонтано, — *и баста*.

— Пойду соберу сумки, — заключил Морван, поднимаясь. — Не жалеешь?

— Хватит, папа: не настаивай.

Грегуар дружески хлопнул его по плечу:

— Я вернусь раньше, чем ты тронешься с места.

5

Морван проходил через холл, когда его окликнул портье: кто-то ждал его с задней стороны отеля, в патио, которое почему-то называлось «атриум».

— Кто именно?

Негр сделал извиняющийся жест: он не знал или не мог сказать. Грегуар тихо выругался и обошел стойку, направляясь в коридор, предназначенный исключительно для персонала гостиницы. Утро начиналось скверно.

По заднему двору вышагивал колосс в темном костюме и очках «Рэй-Бан», сдвинутых на лоб, — он был так велик, что казалось, занимал все пространство. Бригадный генерал Трезор Мумбанза собственной персоной в сопровождении подручного такого же роста, но тонкокостного и в спортивном костюме.

— Привет тебе! — воскликнул гигант, распахивая объятия.

- Я собирался тебе позвонить, — солгал Морван.
- Очень надеюсь! Никто мне не сообщил о твоём приезде!
- Какая-то канцелярская крыса напортачила.

Несмотря на дурные предчувствия и плохое настроение, обстановка ему нравилась. Один из тех укромных уголков, которые создают у вас ощущение, что вы проникли в закулисье Африки. Пол веранды покрыт красными опилками и листьями, нападавшими за ночь. За верандой в заброшенном саду, обнесенном решетчатой оградой, несколько деревьев с гигантскими корнями. Похоже на теплицу под открытым небом, на образчик тропического леса.

Телохранилитель взял один из пластиковых стульев и протянул его Морвану: скорее приказ, чем жест вежливости. Тот сел, оба его собеседника остались стоять.

— Я пришел отдать тебе разрешения. Для твоей поездки на Танганьики.

Мумбанза протянул ему картонную папку, уже покоробившуюся от влажности. Около килограмма бумаг — подписанных, заверенных, проштампованных и утвержденных сонмом послушных чиновников.

- Кто тебе сказал, что я отправляюсь на север?
- Ц-ц-ц... Ты же знаешь, что я все знаю, братец.

Сноп раздобыл машины в хорошем состоянии, горячее оружие, людей. Нельзя же от него требовать вдобавок еще и умения держать язык за зубами.

— Я отправляюсь на разведку, — туманно заметил Морван.
— А мне кажется, что ты берешь с собой то, что нужно для транспортировки руды.

Прозванный в Лубумбаши Боссом, Мумбанза был хозяином Катанги. Руководитель вооруженных сил провинции, человек, не давший войне добраться до самой благополучной зоны Конго. Когда был убит Филипп Сесе Нсеко, местный директор «Колтано», генерал естественным образом занял его место во главе компании. Он ничего не понимал в рудничном деле, но мог обеспечить порядок вокруг месторождений — а это было главным. Новые обязанности не мешали ему стремиться к другим горизонтам: все знали, что он метит на пост губернатора Катанги.

- Ты ведешь изыскания для «Колтано»?